

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

Вот заходишь в магазин...

* * *

Господь в лёгком смятении, что
потерял все коды и нити.
Хлопает по карманам ничто,
в чёрном космосе искрой рыщет.

Кубик Рубика видит в углу,
на стене – неподъёмные веки.
Что делать ещё ввечеру
вверх ногами стоящего века?

Вертят пальцы за гранью грань;
слой за слоем жизнь собирают;
чуть качается тёмная ткань —

человек на кресте оживает.

Енисей у Стрелки

I.

Февраль. Звезда, завершая дневной променад,
отдыхает за чашкой латте в окне кофейни.
Ветер пробирается вдоль оград
и чем ближе к реке, тем сильнее рвёт ошейник.
Утки ищут на дне, а воробьи – среди ног.
Порожние баржи царапают рябь Енисея.
Облака толкают друг друга и труборождённый смог.
Дубенский глядит с холма на правый берег, млея
от восторга, как и прежде, и укрепляет кость.
Снежинка в глазу что Виноградовский мост,
ведущий на остров. Не рассуждая мелко,
это верный путь вдруг покинуть Стрелку.

II.

Протяжённый проспект, упираясь ордой витрин
в Триумфальную арку, рвётся на площадь Мира.
Туловище шевелит плавниками штанин.
Филармония дремлет, укрывшись волной и лирой,
и блестит крыльцом. Чешуя воды
дрожит на ступеньках едва заметно.
Местный житель, взглянув во тьму времён лет на,
триста вглубь, обнаружит базар: ряды,
рыбу, мясо, соль, посуду, собольи шкурки,
которых сторонится мурка, –
бочки с пивом, церковь, частокол окрест
и по берегу сосновый лес.

III.

Красноярск фееричен зимою сквозь дым: ни дверь
ему не помеха, ни шарф, ни даже моргание глазом.
Головы горожан завоюет лишь тот мэр,
который заставит носить противогазы.
Мрачным днём, когда ты, не глупее чем
голубь, смотришь под ноги в поиске денег,
в городе, где скреби не скреби со стен
объявления вечно свисают как с вещи ценник,
можно, пройдя по ссылке в тексте поста,
узнать про прыжок в воду с перил моста,

и только открыв видео, вытереть пот со лба:
«Это не я. Я – ночью, со второго Столба».

IV.

Мысли эти возникли во мне не из
разбитого сердца или больного мозга,
но из ушей, в коих шумело грозно;
я лишь мычал, глядя с кровати вниз.
«Жизнь пройдена за середину» – «Ну и чёрт с ней».
«Чувства, братец, остыли» – «Хм...жалость неистребима».
«Привязанности с каждым годом слабей» –
«Люблю, когда тянут в гараж битую машину».
«Прошлого не вернуть» – «Да, но перелом бедра
в первом классе по-прежнему помню ясно».
«Скоро кирдык» – «Такая уж за окном пора;
хотя для трафика жизни – это лишь красный».

V.

Сыпавший снег при попытке следить в зрачке
до чего-либо твёрдого – утомляет
мозг, и рассудок тогда начинает
лепить снеговика. Повернувшись в рывке,
видишь его владения: крыши, лотки,
брусчатку – это белое круглое царство,
где пролёт моста – последнее мытарство,
пред тем как коснуться дивной руки
Енисея. Таинственный остров становится ближе.
Никого. Тишина. Страхом и волей движим
нервно веришь в течение, в лодку, в берега,
и отступаешь. Зимняя ночь долга.

VI.

Красноярск фееричен: тут пушка стреляет днём,
но тело не помнит смерти и может лишь вздрогнуть.
Енисей мчится к морю выстрелом с яра подстёгнут,
и сердито пыхтит буксир среди волн.
Красноярск фееричен: за четыреста лет
сколы Стрелки покрыли домами землю и камни.
И если прыгнуть, увидишь, как стёкла рекламы
разбившись о гладь реки и монет,
высветят тёмный угол, где дюжий осётр
вплывает в сети, производит осмотр,
и взыграв разрывает путы.

Проносится скорая. Наступает утро.

* * *

Вот заходишь в магазин,
большое такое здание,
много надписей, много витрин,
рядом вечное автостояние.

До того как поехать, до того как зайти,
принято твёрдо решение,
обувь для трекинга надо найти,
уничтожить надо сомнение.

И вот едешь, едешь по духоте
в машине с окном незапертым;
думаешь про обутку по ноге:
про подошву, про верх, про дождь достопамятный.

Про то, что советский и грозный отец
посмотрел бы на тебя неистово
и влил бы в тебя кипящий свинец,
и стал бы самым дотошным приставом.

Вспоминаешь затерянную в тайге
деревеньку в одну улицу;
молодого отца и деда молодого вполне,
как под грузом рюкзака сутулишься.

И в чём же тогда я ходил?
Ах да, сапоги резиновые –
вечное падение сосновых игл
за голенище высокое и оттопыренное.

Как после сидишь на крыльце,
смотришь на ноги распухшие,
вытряхиваешь иглы сам по себе
и совсем не чувствуешь будущего.

Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

~~Олег Битинский, автор стиха~~

СП